

На правах рукописи

Имгрунг Иван Иванович

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАК АКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СУБЪЕКТНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК**

22.00.04 – Социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

19 ДЕК 2013

005544206

Ростов-на-Дону – 2013

Работа выполнена
в ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

**Официальные
оппоненты**

Харитонов Евгений Михайлович
доктор социологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный
аграрный университет», заведующий
кафедрой истории и политологии
Хунагов Рашид Думаличевич
доктор социологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Адыгейский
государственный университет», ректор
Щербакова Лидия Ильинична
доктор социологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО Южно-Российский
государственный политехнический
университет (НПИ) имени М.И. Платова,
проректор по образовательной
деятельности

**Ведущая
организация**

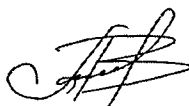
**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки «Институт
социально-политических исследований»
Российской академии наук**

Защита состоится «30» декабря 2013 г. в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 160, ИППК ЮФУ, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «27» ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.В. Верещагина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современное российское общество уже более двадцати лет находится в состоянии перехода от советской модели экономики и политической системы к новому типу институциональной организации, призванной обеспечить развитие свободных рыночных отношений в экономике и демократии в политической жизни, однако, несмотря на длительный срок осуществления преобразований, в настоящее время все еще трудно сказать, что поставленные реформаторами цели близки к достижению¹. Можно полагать, что формирующаяся в российском обществе модель социального порядка и режима хозяйствования очень своеобразна и не вполне вписывается в классические институциональные стандарты.

Этот факт, как бы его ни оценивать, достаточно зримо связан с проблемой модернизации российского общества и экономики. Трудности модернизации, о которых много написано в последние годы, интерпретируются по-разному. Ряд авторитетных исследователей² полагают, что основной причиной трудностей нужно считать факторы культурного характера: специфику национальной ментальности россиян, которая остается ориентированной на традиционные ценности и консерватизм. Тем самым низкая эффективность модернизационных процессов находит объяснение в слабости адаптационных ресурсов и традиционализме широких масс населения, мешающих воспринимать инновационные культурные образцы и следовать им в повседневных практиках. Таким образом, задача повышения эффективности модернизации превращается в культурологическую по своей сути проблему, решение которой возможно лишь в эволюционной перспективе, поскольку процессы культур-

¹ См.: Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). М.: ИС РАН, 2011.

² См., напр., *Лебедева Н.М., Ясин Е.Г.* Культура и инновации // Форсайт. 2009. № 2 (10). С. 17.

ных изменений обладают значительной инерцией и охватывают в своем течении много поколений.

Другая позиция, альтернативная только что приведенной, связывает проблему низкой эффективности российской модернизации на ее нынешнем витке главным образом с социально-групповыми характеристиками правящей элиты, ее мотивациями, управленческими качествами, культурным потенциалом, особенностями самопозиционирования³. Масштаб и разнообразие ресурсов, которыми обладает правящая элита, – экономических, административных, культурных, образовательных, информационных – обеспечивают ей возможность постоянного интенсивного влияния на ценности и представления масс, благодаря чему происходит дрейф массовых ориентаций и установок в сторону собственных ценностей и представлений элиты. Аналогичной точки зрения придерживается видный отечественный элитолог О. Гаман-Голутвина, полагающая, что в основе неудач модернизационных проектов на постсоветском пространстве выступает слабость модернизационных ценностей и установок в структуре мотивационных характеристик элит⁴.

Разделяя вторую из обозначенных здесь позиций, мы связываем социально-практическую и теоретическую актуальность заявленной нами темы исследования в первую очередь с неотложностью задачи экономической, технико-технологической и социокультурной модернизации российского общества. Мы полагаем, что социальное развитие определяется прежде всего соответствующей направленностью действий элит, их ориентацией преимущественно на ценности развития, а не на сохранение статус-кво. Эффективность модернизации зависит также от объема ресурсных вложений в цели, связанные с развитием, причем речь идет не

³ Шляпентох В.Э. Элиты, а не массы – главный хранитель консерватизма и главный мотор социальных изменений в России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Blog/Blog_modern_Shlyapentoh.pdf.

⁴ Гаман-Голутвина О.В. Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4. С. 79.

только об экономической или технологической составляющих развития, но также о политической и гражданской, о стратегической роли правящей элиты в определении приоритетов.

В такой постановке проблема эффективности российской модернизации ориентирует прежде всего на исследование самих правящих элит: как их деятельности и выражаемых в ней групповых интересов, так и структурных характеристик, состава, специфики элитогенеза и других особенностей. Необходимо, в частности, выяснить, какие качества и позиции политической элиты приводят ее к незаинтересованности в ценностях развития, переориентируют ее на консервативные установки. Нужно исследовать вопрос, какие факторы приводят к росту закрытости современных российских элит и их дистанцированию от массового слоя и что означает закрытость и дистанцированность от народа элит с точки зрения стоящей перед страной задачи модернизации.

Особый интерес представляет изучение региональных властных элит как социальных групп, задающих мотивации и поведенческие установки российской провинции. В отличие от столичных мегаполисов, провинция обладает совершенно другими параметрами образованности и информированности населения, иной степенью его гражданского и политического участия, характеризуется большей зависимостью поведения рядовых граждан от позиций и поведения элиты.

В то же время необходимо отметить, что исследования элиты, в особенности политической, обычно осуществляются в предметных рамках политических наук, тогда как со стороны социологии исследование этого предмета может дать не меньше значимой для общества информации. Более того, эмпирическая база, которую, в отличие от политологии, может обеспечить социология, позволила бы существенно обогатить имеющиеся теоретические представления о роли политической элиты в модернизационном процессе в России. Недостаточная исследованность политической элиты в социологическом ключе средствами соответствующей методологии явля-

ется фактором, обуславливающим научно-теоретическую актуальность данной темы.

Таким образом, социально-практическая актуальность темы исследования обусловлена фундаментальной ролью элит в процессе реализации стоящих перед обществом модернизационных задач. Ее теоретическая актуальность определяется имеющейся диспропорцией в исследованности проблематики политических элит между политологической наукой и социологией.

Степень научной разработанности темы исследования. Элитологическая тематика в целом появилась в отечественных общественных науках в первые перестроечные годы, когда стал сдавать свои позиции безраздельно господствовавший в советский период формационный подход. Именно тогда появилась возможность базировать политологические исследования на подходах и идеях, генетически восходящих к теории элит. Эти подходы радикально отличались от формационного тем, что объясняли социальные изменения не в объективистском ключе, а вводя специфический субъективный фактор – деятельность элит. Наибольший вклад в развитие теории элит внесли известные зарубежные философы и социологи Г. Моска, Р. Михельс, В. Парето, Г. Ласуэлл, Р. Милз, а также политологи Г. Алмон, С. Верба, Дж. Сартори и др. С другой стороны, наиболее давние элитологические концепции и подходы сформировались в лоне философии, в произведениях Ф. Ницше, Х. Ортеги-и-Гассета и других более ранних мыслителей, заложивших традицию деления общества на элиту и массы. Трактовка элиты философами основывалась, как правило, на меритократическом (ценностном, или субстанциалистском) подходе, согласно которому деление элиты и масс связано с качественным превосходством представителей элиты по самым различным параметрам – интеллекту, качествам воли и духа, наследственности, социальному (кастовому) происхождению, приобретенным знаниям. Социологические и политологические теории элиты тоже иногда основываются на меритократическом подходе, например, теория элиты В. Парето, но преимущественно политологи и социологи

рассматривают принадлежность к элите как сумму функциональных или позиционных (статусных) характеристик на базе структурно-функционального, позиционного, прагматического подходов. К этой категории можно отнести Г. Ласуэлла, Р. Миллза, Р. Михельса и др.

В отечественных общественных науках элитологическая проблематика приобрела популярность в 1990-е годы, когда ушло в прошлое свойственное советской эпохе табуирование для науки номенклатурного слоя и его сменил острый интерес к поведению, мотивациям, потреблению, досуговым практикам элит. Именно в 90-е гг. прошлого века формируется представление об элитологии как комплексной научной дисциплине, которое, несмотря на возражения зарубежных ученых, прижилось и широко распространилось в российской научной среде⁵. При этом, формирование этой научной дисциплины стало происходить в рамках тенденции преодоления дисциплинарной ограниченности в научном изучении элит и использования трансдисциплинарной методологии исследования для получения целостного социально-гуманитарного знания о специфике формирования и функционирования элит. Однако на фоне этой тенденции развивается и иная стратегия элитистских исследований, связанная с некритическим заимствованием западного опыта в изучении элит и столь же некритическим переносом их когнитивного потенциала в российскую научно-исследовательскую практику. Это заимствование в российской элитологии осуществлялось в русле классической и неклассической модели научного исследования, в результате чего в российской элитологии сложилось две традиции в изучении элит – классическая, основой которой выступают властный и меритократический подходы к исследованию элит, и неклассическая, базирующаяся на деятельностной или активистской парадигме исследования элит⁶.

⁵ Ашин Г.К. Элитология. История, теория, современность: Монография. М.: МГИМО–Университет, 2010.

⁶ Логинова О.А. Методологические проблемы изучения элит в классической и неклассической традиции // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 2. С. 98-100.

Итак, смена общественного строя и наступившая эпоха гласности способствовали интенсификации разностороннего изучения политических и управленческих элит федерального и регионального уровней. Ставшее популярным при М.С. Горбачеве новое в политике понятие «человеческий фактор» в значительной мере переориентировало общественные науки с поиска «объективных детерминант» политических событий на исследование роли в этих событиях отдельных личностей и групп, формальных и неформальных объединений. В этой связи актуальными для общественных наук стали проблемы качества элит, их профессиональной и управленческой компетентности, позиционирования по отношению к массовому слою, роли в развитии общества и т. д. Обновление общества, заявленное лидерами перестройки, требовало радикальной смены политической элиты и создания эффективных законодательных механизмов ее ротации, что стало ключевым мотивом обращения к теоретическому изучению процессов рекрутинга правящей элиты. Эта тематика представлена в работах таких видных российских философов, социологов, политологов, как Г. Ашин, О. Гаман-Голутвина, О. Крыштановская, Ю. Левада, А. Панарин, А. Понеделков, А. Старостин, Е. Таршис, Е. Харитонов, Л. Шевцова и др. Большинство из названных авторов указывают на генетическую связь современной политической элиты России с бывшей советской партноменклатурой, которая в российском обществе, в отличие от многих посткоммунистических обществ восточной Европы, не подверглась радикальной ротации в процессе системных реформ. В силу этого обстоятельства современная правящая элита России до сих пор обладает рядом характеристик, унаследованных ею от советской номенклатуры и препятствующих ее адекватному функционированию в системе демократических политических институтов и рыночной экономики.

С другой стороны, для современной России как никогда остро стоит задача социальной и хозяйственно-экономической модернизации. В отличие от предыдущих исторических периодов, связан-

ных с модернизационными рывками, поскольку российская модернизация имеет маятникообразную и рецидивирующую траекторию, нынешний период является для нашей страны определяющим: в отсутствие необходимых модернизационных преобразований Россию ждет социальный и экономический коллапс и утрата значимых позиций на международной арене. Поэтому особый интерес в настоящее время представляет роль современной российской политической элиты как коллективного субъекта стратегической деятельности в процессе социальной модернизации.

Это одна из самых острых и дискуссионных проблем российской современности. Если в начале 1990-х годов ожидалось, что институциональная реформа экономики сразу и резко изменит ситуацию, то вскоре стало ясно, что российское общество в силу каких-то причин не так легко поддается модернизации. Возникло мнение, разделяемое многими авторитетными исследователями, согласно которому главной причиной немодернизируемости российского общества является качество массового слоя населения: низкая ресурсность, традиционализм, коллективизм и патернализм. Иначе говоря, социокультурные характеристики масс рассматриваются как основная причина пробуксовки модернизационных инициатив. Но это мнение разделяется не всеми исследователями. Как уже упоминалось, ряд ведущих отечественных элитологов (О. Гаман-Голутвина, С. Гавров, В. Шляпентох и др.) полагают, что правящая элита всегда является инициатором и ключевым агентом социальных изменений. В частности, именно от элиты зависит эффективность стратегии модернизации. Следовательно, низкая эффективность модернизации производна от низкой эффективности политической элиты, а также от того, насколько эффективен диалог элиты и «большого» общества и насколько органична их взаимосвязь. Закрытость политической элиты, ее изоляция от проблем и забот массовых слоев делает ее социально неэффективной.

Социолог О. Яницкий отмечает необходимость для политической элиты иметь обратную связь с массами, способность к соци-

альной рефлексии, то есть умение видеть и понимать назревшие социальные проблемы. Как подчеркивает этот исследователь, между качеством элиты и перспективами модернизации существует прямая зависимость: неэффективная элита становится агентом не модернизации, а демодернизации, и, если общество не движется в сторону более высокого развития, то оно деградирует, накапливая в себе риски, которые станут для него фатальными.

О. Гаман-Голутвина, подчеркивая генетическую преемственность советской и постсоветской политических элит, рассматривает ее как один из основных факторов неэффективности последних. Кроме того, обобщая негативный исторический опыт, полученный поколениями российских элит в периоды рецидивирующих модернизационных рывков, она объясняет этим низкий ранг ценностей развития в ценностной иерархии современной российской элиты.

По мнению исследователей, способность правящей элиты выполнять стратегическую функцию применительно к процессу модернизации определяется качеством ее человеческого потенциала, спецификой рекрутинга, наличием в ее деятельности деформирующих и дисфункциональных факторов и т. д. Социодеструктивные факторы и аспекты функционирования политической элиты, прежде всего феномен «теневой политики», неформального сращения властных структур с теневыми группировками, влияния на принятие политических решений теневых лобби, нашли отражение в исследованиях социологов М. Афанасьева, С. Барсуковой, В. Воронова, В. Воротникова, Т. Заславской, И. Клямкина, Л. Тимофеева, Р. Капелюшниковой, В. Радаева, Р. Рывкиной, А. Старостина, М. Шабановой Л. Щербаковой и др.

Важнейшей темой, связанной с деятельностью российской политической элиты, является коррупция высшего чиновничества как одно из основных препятствий модернизации. Эта тема продуктивно разрабатывается в отечественной научной литературе В. Бурлаковой, Ю. Волковой, С. Гребениченко, В. Давыдовым, А. Дукой, В. Луневым, О. Митрошенковым, В. Сальниковой и др.

Возникновение частного сектора в российской экономике выдвинуло на первый план проблему взаимодействия политической элиты и частного капитала, взаимоотношений между политической элитой и сформировавшейся за последние десятилетия отечественной бизнес-элитой. Попытки финансовых и промышленных олигархов оказывать определяющее влияние на политическую элиту вызвали к жизни идею о необходимости равноудаленности олигархов от власти. С другой стороны, враждебные отношения между властной элитой и бизнесом, политическое и административное давление на бизнес стали фактором, негативно влияющим на инвестиционный климат в обществе и развитие экономики. Отношения бизнес-элиты и властных элит с точки зрения их влияния на ход модернизации исследуются И. Буниным, В. Гимпельсоном, А. Зудиным, С. Климовой, О. Перепелкиной, А. Понеделковым, Л. Шевцовой и др.

Важнейшим аспектом рассматриваемой нами темы является качество российской политической элиты: под это понятие подпадает вся совокупность ее профессиональных управленческих компетенций, нравственных и интеллектуальных характеристик, уровень образованности, политической и управленческой культуры, стратегический потенциал, адекватность требованиям времени, способность к диалогу с обществом и т. д. Эти вопросы рассматриваются такими авторами, как О. Гаман-Голутвина, Г. Голосов, Л. Гудков, Б. Дубин, Т. Заславская, Ю. Зубок, Б. Краснов, О. Крыштановская, Г. Осадчая, Ж. Тощенко, В. Чупров, Е. Шестопал, О. Яницкий и др.

Отдельный аспект темы настоящего исследования составляет деятельность региональных правящих элит, которые на своем уровне призваны быть агентами модернизационных изменений в регионах. Однако как состав, так и повседневная управленческая деятельность региональных элит зачастую препятствуют реализации целей модернизации, которая в российских условиях зачастую приобретает рискогенный, декларативный и во многом симулятив-

ный по своей природе характер, что способствует снижению доверия со стороны российских граждан властным структурам и политическим элитам, росту разочарования в идеалах демократии. Эти аспекты модернизации России глубоко разрабатываются в социологических исследованиях по проблеме модернизации российского общества в работах таких ученых, как Ю. Волков, М. Горшков, Н. Тихонова, С. Кирдина, О. Яницкий и др.⁷

В исследовании региональных элит немаловажное значение имеет осмысление степени традиционализма их поведения и рекрутинга, оценка степени негативного влияния патрон-клиентистских принципов функционирования элит на темпы и направленность социального развития региона. Все эти проблемы рассматриваются в работах М. Афанасьева, В. Гельмана, А. Магомедова, Е. Охотского, А. Понеделкова, А. Селиванова, С. Солника, А. Старостина, М. Фарушкина, Р. Хунагова, А. Чириковой и др.

В сегодняшней российской ситуации на первый план выходит проблема обеспечения конструктивного взаимодействия политической элиты и гражданского общества, преодоления кризиса в их взаимоотношениях. Многие авторы считают неизбежной смену элит и выход на политическую арену новых группировок и сил. На эту остроактуальную тему пишут М. Дмитриев, О. Гаман-Голутвина, Л. Шевцова и ряд других аналитиков.

Из сказанного видно, что исследования политической элиты современного российского общества в силу актуальности темы и ее значимости с точки зрения перспектив общественного развития активно ведутся в предметном поле как политологии, так и социоло-

⁷ Волков Ю.Г. Российская модернизация как путь развития креативного общества. Ростов н/Д.: Антей, 2011; Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Изд-во «Весь мир», 2010; Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. 2009. № 3; Горшков М.К. Социально-политическое измерение модернизации российского общества // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1; Кирдина С.Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10; Яницкий О.Н. Модернизация, концепция реформ и социальные реалии / Россия реформирующаяся: Ежегодник–2010 / Отв. ред. Чл.-корр. РАН М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2010 и др.

гии. Все ключевые аспекты этой тематики разрабатываются в обстановке острых научных дискуссий.

Однако основной акцент делается на изучении федеральной политической элиты, тогда как в условиях России региональные элиты обладают не меньшей значимостью, а кризис элит постепенно распространяется и на провинцию. На недостаточную исследованность региональных элит и их роли в процессе модернизации указывает А.Е. Чирикова, утверждающая, что российская социология и политология на сегодняшний день не имеют системных исследований региональных элит и региональной власти⁸. Вместе с тем, база для изучения региональных политических элит, по мнению В.М. Долгова и А.Ф. Стрижовой, в России уже имеется, так как сформировалась определенная традиция организации и функционирования региональных политических групп управления, и они доступны для наблюдения и анализа⁹.

Кроме того, тематикой, связанной с правящими элитами, главным образом занимаются политологи. Но специфика политологического анализа не предусматривает глубокого обобщения и включения в рассмотрение внеполитических факторов. Наконец, интенсификация политической жизни в России в последнее время способствует выходу на первый план по социальной значимости именно изучения элит в их отношении к гражданскому обществу, и дефицит подобных исследований обуславливает потребность в социологической концептуализации проблемы политической элиты в России в контексте ее модернизационной роли.

Цель исследования – разработка социологической концепции российской политической элиты как актора модернизации.

Поставленная цель предполагает в качестве промежуточных шагов постановку и решение следующих **задач**:

⁸ Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 49.

⁹ Долгов В.М., Стрижова А.Ф. Структурные особенности региональной политической элиты в современной России // Власть. 2012. № 11. С. 58.

- рассмотреть имеющиеся в социологии подходы к изучению элит и обосновать выбор оптимальной методологии для исследования политической элиты;
- представить субъектные характеристики современной политической элиты в России;
- проанализировать механизмы рекрутинга и вертикальной мобильности современной российской политической элиты в их влиянии на эффективность модернизации;
- выявить влияние характера взаимодействия политической элиты и гражданского общества на эффективность модернизации;
- оценить инновационный потенциал современной российской политической элиты как стратегического субъекта модернизации;
- исследовать влияние на ход модернизации иллегальных и теневых практик элиты в политическом поле;
- рассмотреть демодернизирующее влияние коррупции в среде политической элиты;
- проанализировать влияние идеологического консерватизма российской политической элиты на эффективность модернизации;
- исследовать социальные эффекты консолидации федеральной и региональных политических элит в аспекте влияния на модернизацию;
- оценить эффективность социальных практик региональных политических элит в контексте их влияния на процесс модернизации в России.

Объектом исследования являются российские политические элиты федерального и регионального уровня как ключевой актор модернизационных процессов.

Предмет исследования составляют субъектные характеристики политических элит и эффективность их социальных практик в пространстве реализации модернизационного проекта в России.

Гипотеза исследования. Политическая элита российского общества послужила инициатором вступления в очередной виток модернизации и в настоящее время позиционирует себя как ключе-

вой актор модернизационных преобразований. При этом очевидная низкая эффективность реформ и дисфункциональность новой институциональной структуры зачастую рассматриваются как эффекты отторжения демократических институтов традиционалистски ориентированным массовым слоем и продуцируемой им социокультурной средой. Основной реальной причиной неэффективности российской модернизации является недееспособность политической элиты, утратившей качества, ассоциируемые с субъектом социальных изменений. Современная российская политическая элита как федерального, так и регионального уровней не ориентирована на ценности и цели развития в силу таких факторов, как:

- корпоративная закрытость, практическая необновляемость, истощение инновационного потенциала узкого социального слоя, являющегося базой ее рекрутинга;

- дистанцированность от массовых слоев, отчужденность от интересов общества как целого, переориентация на приватные групповые интересы, которым не отвечает модернизация, неспособность к диалогу с гражданским обществом;

- консерватизм группового мышления, историческая исчерпанность традиционной для России имперской модели модернизации и неспособность к стратегической деятельности по формированию новой модели.

Низкая компетентность, коррумпированность, доминирование корпоративно-теневых внутриэлитных взаимодействий определяют в целом качество и социальные эффекты практик политических элит как федерального, так и регионального уровней как контрмодернизационные.

В качестве **теоретико-методологической основы исследования** выступает активистская парадигма изучения элит, позволяющая рассматривать элиту как ключевого и эксклюзивного группового актора, обладающего несоизмеримыми с рядовыми акторами ресурсами и капиталами, что определяет масштаб его общественно-го влияния.

Активистский подход к оценке влияния политической элиты продуктивно дополняется в данном исследовании постструктурализмом в понимании единства и синхронности процессов формирования институциональных структур как объективного среза социума и когнитивно-ментальных структур субъекта. Эти идеи, развитые Э. Гидденсом и П. Бурдьё, дают возможность рассматривать практики элиты как субъектно-объектные траектории, формирующие и самого группового актора, и среду его действий. Большое методологическое значение для исследования практик элиты имеют такие понятия из теоретической конструкции Бурдьё, как «интересы» и «капитал».

В работе использовались идеи основоположников элитологии, обосновавших введение этого термина в социогуманитарное знание, предложивших свое понимание элиты и подходы к ее изучению. Это работы философов Ф. Ницше, Х. Ортеги-и-Гассета, классика итальянской школы политической социологии В. Парето, рассматривавших политическую элиту с позиции меритократического подхода; работы социологов Г. Моска, Р. Михельса, Р. Миллза, Г. Ласуэлла, предложивших структурно-функционалистскую элитологию; концепция О. Тоффлера, трактовавшего элиту как продукт и институт индустриального общества, и др. Разнообразие имеющихся подходов определяет некоторую мозаичность и внутреннюю противоречивость современной элитологии.

В данном исследовании нашли применение принципы и положения структурно-функциональной методологии Т. Парсонса, дающей возможность рассматривать деятельность политической элиты в терминах «функция/дисфункция», «ролевая норма/девиация», а также оценивать действия элиты с позиции их соответствия базовым коллективным представлениям социетальной культуры. Однако структурно-функциональный подход, с авторской точки зрения, оказывается недостаточным, когда рассматривается не стабильное, а переходное состояние социальной системы, связанное с временной дезадаптацией акторов, деинституционали-

зацией норм и аномией, радикальными изменениями в функционировании общества, поскольку он ориентирует на стабильность и гармоничность общества, а не на интенсивное развитие, предполагаемое модернизацией. В этой связи нам представляется обоснованной позиция В. Шляпентоха и О. Гаман-Голутвиной, по мнению которых поведение элиты в такие периоды приобретает принципиальную важность и не определяется коллективными представлениями и ценностями, которые разделяют массы, а, напротив, само формирует эти ценности¹⁰, что и предопределило выбор активистской, или деятельностной, парадигмы в качестве базовой для социологического исследования политической элиты в современной трансформирующейся России.

В диссертации активно применялись методы сравнительного анализа, синтеза и обобщения, контент-анализа, анкетирования и экспертного интервью.

Эмпирическую основу исследования составляют данные социологических исследований ВЦИОМа, «Левада-центра», выборочного социологического опроса государственных служащих «Административно-политические элиты региона» (проводилось в двадцати регионах РФ в январе-мае 2005 г., результаты приведены в монографии А.В. Понеделкова «Политико-административные элиты России», Ростов-на-Дону, 2005 г.), а также экспертные интервью, проведенные в рамках исследовательского проекта «Элиты и будущее России: взгляд из регионов» (тексты ответов приведены в монографии А.В. Понеделкова и А.М. Старостина «Элитологи об элитах», Ростов-на-Дону, 2007).

Кроме того, в ходе исследования были использованы результаты исследований, проведенных Южно-Российским филиалом Института социологии РАН при непосредственном участии автора диссертации, таких как: «О чем мечтают жители Ростовской облас-

¹⁰ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 2006; Шляпентох В.Э. Элиты, а не массы – главный хранитель консерватизма и главный мотор социальных изменений в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Blog/Blog_modern_Shyapentoh.pdf.

ти» (2012 г.) и «20 лет реформ глазами жителей Ростовской области» (2011 г.). Данные исследования разрабатывались на основе эмпирической матрицы, разработанной ИС РАН для исследований «О чем мечтают россияне?» и «Двадцать лет реформ глазами россиян», результаты которых в сравнении с результатами, полученными при опросе жителей Ростовской области, позволили выявить тенденции в области функционирования политической элиты России в контексте оценки ее деятельности россиянами как на федеральном, так и региональном уровне.

В ходе исследования были получены определенные результаты, содержащие следующие элементы **научной новизны**:

- показано, что социологическая операционализация понятия «элита» невозможна на основе одной из парадигм и требует синтеза структурно-функциональной, институциональной и понимающей методологий, субъектно-объектного подхода, что выступает методологическим основанием исследования политической элиты;

- обоснована социальная субъектность современной российской политической элиты по функциональному (объективному) и идентификационному (субъективному) критериям;

- выяснено, что закрытый характер рекрутинга российских политических элит и неэффективность механизмов их ротации обуславливают приватизацию элитных статусов и привилегий и несоответствие частногрупповых интересов номенклатурно-элитного слоя целям и ценностям развития общества;

- показано, что дистанцирование политической элиты от гражданского общества отражает объективные противоречия их интересов относительно модернизации, а отсутствие конструктивного консенсуса между ними является препятствием для модернизации;

- установлено, что традиционная для России мобилизационная модель модернизации предполагает институциональное функционирование политической элиты как единственного субъекта стратегии и организации изменений, направленных на развитие, однако в настоящее время эта модель исторически исчерпана;

– обосновано, что корпоративизм рекрутинга современной политической элиты, приватизация ею статусных привилегий и презентационное функционирование каналов ее подотчетности обществу стимулируют ориентацию политической элиты на частные интересы и сохранение статус-кво;

– показано, что распространенность коррупции в среде политико-управленческой элиты отражает степень ее вовлеченности в иллегальные и противоправные солидарности, практики которых не согласуются с интересами общества и потребностями его развития;

– обосновано, что десолидаризация политико-управленческих элит с интересами общества находит выражение в их незаинтересованности в развитии социокультурной сферы и человеческого потенциала, что приводит к дефициту стратегической субъектности и объективно превращает элиту в консервативного, контрмодернизационного коллективного актора;

– установлено, что консолидация федеральной и региональных политических элит осуществлена по принципу неформального патрон-клиентельного внутрикорпоративного консенсуса, обладающего невысоким модернизационным потенциалом;

– показано, что традиционализм и консерватизм в управленческих практиках региональных элит становятся препятствием для развития процессов модернизации и фактором феодализации общественной жизни в регионах.

Научная новизна полученных в ходе исследования результатов отражена в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Понятие «элита», активно используемое в настоящее время всеми видами социогуманитарного знания, генетически восходит к философии и является продуктом аксиологического, субстанциализирующего подхода к проблеме природного и социального неравенства. Исторически дифференциация на периодически обновляемую элиту и массы возникла в индустриальном обществе, сменив сословную статусно-стратификационную систему. Конку-

рентность и обновляемость элит – системообразующая институциональная характеристика индустриального и постиндустриального общества, обеспечивающая интенсивное развитие. Для модернизирующихся обществ характерна институциональная структура, поддерживающая интенсивное развитие, и субъективно ориентированные на ценности развития элитные группы. Способ операционализации понятия элиты в социологии зависит от методологической парадигмы исследования. В социологию понятие элиты вошло в русле структурно-функционального подхода и обозначает группу, выделившуюся по функционально-ролевым и статусно-должностным критериям, что предполагает оценку действий членов этой группы в зависимости от функционально-ролевой и профессионально-должностной эффективности. В функционалистской парадигме элита определяется как социально-статусная группа, выполняющая ролевую функцию стратегических решений в политике и управлении (политическая или управленческая элита), или ценностнотворческую и интегративную функции (культурная элита). В рамках понимающей социологии (субъективизирующий подход) элита может рассматриваться как группа, определяющая смысловую структуру социального действия массовых акторов. На основе институционального (объективизирующего) подхода элита рассматривается как социальный институт, задающий институциональные траектории социальных и политических практик. Постмодернистская (постструктуралистская) методология рассматривает элиты на основе субъектно-объектного подхода в единстве процессов габитуализации и структуризации.

2. Политическая элита может быть операционализована как социальный субъект по объективным (функции) и субъективным (смыслополагание) критериям. Среди ее основных социальных функций можно выделить стратегическую, организационную и интегративную. Если стратегическая функция воплощается в деятельности по определению перспективных направлений развития общества и его институтов, то в организационную функцию входят те

кущие управленческие и социально-организующие практики, а в интегративную – создание и продвижение социального проекта с потенциалом интеграции всех слоев и групп населения. Субъективный критерий состоит в самоидентификации политической элиты с репрезентируемой ею массовой общностью через производство общезначимых смыслов и ценностей, признаваемых и воспринимаемых массовыми слоями. В модернизирующемся обществе политическая элита ориентирует свои управленческие практики на приоритеты развития, стратегию – на цели развития, интегрирует массы вокруг ценностей развития.

3. Для интенсивного осуществления модернизации необходим открытый тип рекрутинга элит и открытость каналов внутриэлитной вертикальной мобильности, что дало бы возможность максимально широко использовать человеческий потенциал общества в интересах развития. В постсоветском российском обществе сохраняется преемственность с позднесоветским в отношении закрытости номенклатурно-элитных слоев, являющихся базой рекрутинга политической элиты и низкой конкурентности элитогенеза. Закрытость российского правящего слоя и практическое отсутствие эффективной ротации элит создали возможность приватизации его представителями элитного статуса и сопутствующих привилегий, а прогрессирующее сращение власти и собственности привело к превращению собственности и кланово-корпоративной принадлежности в основной критерий рекрутинга политической элиты. В то же время закрытый характер рекрутинга элит способствует их отчуждению от рядовых акторов и несоответствию частных интересов представителей элитного слоя целям и ценностям модернизации.

4. Осуществление эффективной модернизации предполагает активное сотрудничество в этом процессе элиты и гражданского общества, основанное на их консенсусе относительно ценности и необходимости развития. В условиях российского общества с его традиционно слабыми гражданскими институтами роль элиты в инициировании и обеспечении модернизационных изменений явля-

ется определяющей, однако без участия гражданского общества и подключения его институциональных механизмов к решению задач развития эффективная модернизация невозможна. Отсутствие у гражданского общества возможности вести диалог с политической элитой, как и неспособность элиты воспринимать мнение гражданского общества, уничтожают саму возможность конструктивного консенсуса между ними. Гражданское общество в России субъективно и объективно заинтересовано в модернизации и росте своих позиций, в формировании контроля над элитой. Однако элита не заинтересована в реальной модернизации, которая разрушит ее как корпорацию власти. Именно поэтому она апеллирует к силе, а не к социальной рефлексии и культуре. Самоизоляция элиты от гражданского общества и «силовизация» социальной среды препятствуют использованию инновационного потенциала неэлитных социальных групп и закреплению в узких границах пространства гражданской инициативы, что при необновляемой и стратегически неэффективной политической элите исключает возможность реальной модернизации.

5. Витки модернизации в России всегда носили реактивный характер и инициировались «сверху» стратегически мыслящими политическими элитами в ответ на внешние вызовы. Мобилизационная, авторитарная («имперская») модель российской модернизации была обусловлена традиционной неразвитостью гражданского общества и предполагала компенсирующий эту неразвитость институт политической элиты с определяющими стратегическими и организационными функциями. В настоящее время политическая элита, будучи замкнутой корпорацией, не обновляет свои человеческие ресурсы и давно уже истощила свой инновационный потенциал. Тем не менее, она стремится сохранять главенствующее положение, привилегии и приобретенную с их помощью собственность. Элита переориентировалась на частные, частногрупповые цели и ценности, явно противоречащие объективным целям общества. Ее цели заключаются в том, чтобы не допустить изменений, а ее цен-

ности имеют исключительно частный, потребительский характер. В силу всего этого элита ограничивает свои групповые горизонты настоящим и не может быть субъектом стратегии развития, направленной на будущее.

6. Доминирование кланово-корпоративных критериев рекрутинга политической элиты и приватного целеполагания в ее практиках, растущая дистанцированность элиты как от массового слоя, так и от среднего класса и околоэлитных групп делают малоэффективными институциональные механизмы ротации элит. В то же время контрастные диспропорции социальных возможностей элитных слоев и масс, объем приватизированных элитой статусных привилегий ориентируют ее на сохранение статус-кво средствами иллегальных практик, осуществляемых за пределами институциональной регуляции установленного социального порядка. В этой ситуации институционализированные каналы контроля общества за деятельностью элиты и его влияния на принятие управленческих решений и в целом кратический процесс функционируют в презентационном режиме, а внутриэлитные взаимодействия строятся по патрону-клиентельному принципу, что означает феодализацию социального контекста деятельности элиты.

7. Выведение политической элиты из-под общественного контроля создает возможность широкого распространения коррупционного лоббирования ключевых управленческих решений и в целом коррупции представителей политического класса. Высокий уровень коррупции политических элит отражает степень их сращения с бизнес-элитой и криминалитетом, их вовлеченность в иллегальные и противоправные солидарности, практики которых ориентированы на обеспечение частногрупповых интересов, противоречащих интересам общества и потребностям его развития. Коррупционная активность элит является источником распространения данной модели поведения на социальные практики всех слоев общества, тем самым способствуя дальнейшему ослаблению институционального порядка и подмене его неформальным порядком.

8. Российские политические элиты проявляют в своих кратических практиках и мировоззрении десолидаризацию с интересами общества, выражающуюся в индифферентности к потребностям и ценностям развития социокультурной сферы и человеческого потенциала. Этим определяется дефицит стратегической субъектности элиты, находящий отражение в ее тенденции формировать государствообразующую идеологию на базе синкретического совмещения идеологием и моделей кратических практик, заимствованных из советского и досоветского прошлого, в том числе в превращении православной церкви в основной идеологический институт общества. Эклектический консерватизм политической элиты в ее идеологии и повседневности вступает в противоречие с декларируемыми ценностями развития и является демодернизирующим фактором, вызывая резонанс в массах, отказывающихся от ценностей развития в силу социального разочарования и страха перед новыми издержками.

9. Для региональных политических элит укрепление властной вертикали означало их консолидацию с федеральной политической элитой, приведшую к частичной потере самостоятельности на политическом поле, сокращению реального властного потенциала в обмен на частичное снижение ответственности перед региональным сообществом и неформально приватизированные привилегии, связанные с интеграцией в корпоративную целостность правящей элиты всероссийского масштаба. Эта интеграция, хотя и способствовала преодолению регионального сепаратизма, базируется главным образом на установлении неформального патрон-клиентельного внутрикорпоративного консенсуса федеральной и региональных, в том числе этнократических, элит. Такой консенсус является формой компромисса между модернизирующими (консолидационными) и консервирующими (этнократически-традиционными) тенденциями внутри консолидированного элитного сообщества, в силу чего его реальный модернизационный потенциал низок.

Коррупционная активность элит является источником распространения данной модели поведения на социальные практики всех слоев общества, тем самым способствуя дальнейшему ослаблению институционального порядка и подмене его неформальным порядком.

8. Российские политические элиты проявляют в своих кратических практиках и мировоззрении десолидаризацию с интересами общества, выражающуюся в индифферентности к потребностям и ценностям развития социокультурной сферы и человеческого потенциала. Этим определяется дефицит стратегической субъектности элиты, находящий отражение в ее тенденции формировать государствообразующую идеологию на базе синкретического совмещения идеологием и моделей кратических практик, заимствованных из советского и досоветского прошлого, в том числе в превращении православной церкви в основной идеологический институт общества. Эклектический консерватизм политической элиты в ее идеологии и повседневности вступает в противоречие с декларируемыми ценностями развития и является демодернизирующим фактором, вызывая резонанс в массах, отказывающихся от ценностей развития в силу социального разочарования и страха перед новыми издержками.

9. Для региональных политических элит укрепление властной вертикали означало их консолидацию с федеральной политической элитой, приведшую к частичной потере самостоятельности на политическом поле, сокращению реального властного потенциала в обмен на частичное снижение ответственности перед региональным сообществом и неформально приватизированные привилегии, связанные с интеграцией в корпоративную целостность правящей элиты всероссийского масштаба. Эта интеграция, хотя и способствовала преодолению регионального сепаратизма, базируется главным образом на установлении неформального патрон-клиентельного внутрикорпоративного консенсуса федеральной и региональных, в том числе

этнократических, элит. Такой консенсус является формой компромисса между модернизирующими (консолидационными) и консервирующими (этнократически-традиционными) тенденциями внутри консолидированного элитного сообщества, в силу чего его реальный модернизационный потенциал низок.

10. Практики региональных политических элит отражают общую ситуацию, сложившуюся в современном российском обществе в отношении модернизационных процессов. Насущная необходимость модернизации вступает в очевидное противоречие с характером рекрутинга, интенсивностью ротации, кланово-клиентелистскими ориентациями региональных элит. Консолидация федеративных и региональных элит привела к заметному снижению рисков сепаратизма, однако не способствовала снижению удельного веса неформальных клановых и патрон-клиентелистских связей как фактора, влияющего на принятие стратегических решений регионального масштаба. Традиционализм и консерватизм в управленческих практиках региональных элит выступает амбивалентным фактором политического развития регионов в силу того, что, с одной стороны, обеспечивает социально-политическую стабилизацию в регионах и тем самым поддерживает у власти федеральную политическую элиту, а с другой стороны, становится препятствием для развития процессов модернизации и несет в себе риск феодализации общественной жизни в регионах.

Научно-теоретическая значимость диссертации обусловлена актуальностью изучения роли политической элиты в процессе модернизации российского общества, а также тем, что полученные в ходе исследования результаты способствуют углублению и уточнению сложившихся теоретических представлений о деятельности современных российских политико-управленческих элит, характере их влияния на состояние общества и динамику модернизации. Реализуемый в диссертации активистский подход позволяет рассматривать и оценивать участие элит в процессе российской модернизации

ции как выполнение ею стратегической функции и деятельность, ориентированную на ценности развития.

Научно-практическая значимость диссертации определяется тем, что материалы исследования и полученные автором выводы могут использоваться в разработке и чтении общих и специальных учебных курсов по общей и экономической социологии, политологии, теории элит, социологии управления, а также в процессе выработки стратегических концепций модернизации российского общества.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась и была рекомендована к постановке на защиту в диссертационный совет на кафедре социологии, политологии и права Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета.

Результаты исследования были изложены на региональных, международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях и семинарах в 2011 – 2013 гг. В частности на: Международной научно-практической конференции «Модернизация России: региональные особенности и перспективы» (г. Ростов-на-Дону, 21 – 22 апреля 2011 г.); региональной научной конференции «Путь в науку: молодые ученые об актуальных проблемах социальных и гуманитарных наук» (г. Ростов-на-Дону, 21 – 22 апреля 2011 г.); III международной научно-практической конференции «Кавказ – наш общий дом» (г. Ростов-на-Дону, 27 – 29 сентября 2011 г.); Международной научно-практической конференции «Социальное партнерство в России: фактор инновационного развития и общенациональной солидарности» (г. Ростов-на-Дону, 19 – 20 апреля 2012 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Социально-культурная консолидация в условиях модернизации современной России» (г. Майкоп, 12–14 марта 2013 г.).

Основные теоретические положения и практические выводы диссертационного исследования были внедрены в деятельность Южно-Российского филиала Института социологии РАН.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в 22 научных публикациях, в том числе, в изданиях, которые входят в список ВАК Минобрнауки РФ, и составляет объем 22 п. л.

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования и включает введение, четыре главы (десять параграфов), заключение и библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются выбор и актуальность темы диссертации, освещается степень ее разработанности, ставятся цель и задачи исследования, формулируются научная новизна и положения, выносимые на защиту, обосновывается теоретическая и практическая значимость проведенной работы.

Глава 1 «ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ» посвящена общему теоретико-методологическому обеспечению исследования политических элит в условиях модернизации российского общества.

Так, в *параграфе 1.1. «Концептуализация понятия элиты в социогуманитарном дискурсе и методологические ориентиры социологического исследования политической элиты»* рассматривается проблема интерпретации термина «политическая элита». Автор отмечает, что сам этот термин, вошедший в философский и научный тезаурус в начале XX в., остается дискуссионным. Это связано с многомерностью его содержания, разные грани которого исследуются различными дисциплинами, из которых каждая вносит нюансы в его понимание. Среди этих дисциплин – социология, политология, культурология, социальная философия. Соответственно, этому имеется целый ряд концепций политической элиты и методологий, предлагаемых для ее изучения.

В современной социологии и политологии понятие «политическая элита» используется для обозначения социальных групп, ко-

торые призваны выполнять в обществе функции, связанные с политической деятельностью и управлением. В социальной философии обычно принято понимать под элитой сообщество наиболее авторитетных индивидов, способных влиять на выработку моделей, норм и ценностей. Политическая же элита рассматривается как социальная группа, продуцирующая нормы и ценности политического характера, то есть идеологии и политические стратегии. Как указывают авторитетные исследователи, элита отличается большей активностью и реальными возможностями принимать участие в изменении социальной и социокультурной жизни общества, в особенности в период глобальных политических и экономических трансформаций¹¹.

Автор отмечает связь этих представлений с идеями классиков элитологии: так, с точки зрения В. Парето, высокие моральные и интеллектуальные качества элиты дают ей возможность заниматься про-инновационной креативной деятельностью, в том числе и в политике. Концепция элиты Х. Ортеги-и-Гассета фокусируется на противопоставлении ее как наиболее креативной и социально ответственной группы массам, по отношению к которым она выступает активной лидирующей силой.

Однако если перейти на более конкретную историческую почву, то четкая дифференциация на периодически обновляемую элиту и массы стала возможна только с переходом от сословной стратификационной системы к обществу «равных возможностей». Она возникла в индустриальном обществе, важнейшей чертой которого является развитая достижительность, конкуренция и усиленная социальная мобильность.

Автор подчеркивает, что с точки зрения социологии политическая элита представляет собой элемент институциональной структуры индустриального и постиндустриального общества, социальный институт, функционально обеспечивающий интенсивное

¹¹ Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1999. С. 637.

развитие и ориентирующий массы на соответствующие ценности в той или иной идеологической интерпретации.

В отношении обоснования выбора оптимального для данного исследования методологического инструментария отмечается, что он должен быть обусловлен дисциплинарной принадлежностью, целью и задачами исследования. Для социологии и политологии наиболее распространенным является объективистский подход к изучению элит, основанный на структурно-функциональном анализе. Основоположителем функционализма является один из известнейших классиков социальной мысли Э. Дюркгейм, разработавший методологию, основанную на принципе отношения к предмету исследования как к объективному факту¹². Применительно к исследованию элит этот подход развивали Г. Лассуэл, Г. Моска, Р. Миллс, Р. Михельс и др. Опираясь на структурно-функциональную методологию, можно выявить основные функции политико-управленческой элиты как института современного российского общества, в частности, как будет показано ниже, обосновать приоритетность стратегической функции, содержание которой в нынешних условиях измеряется участием в выработке и осуществлении стратегии социально-экономической модернизации.

Автор полагает, что социальная субъектность политической элиты раскрывается не только в объективных (функционально-ролевых), но и в субъективных (ценностных, мировоззренческих, идентификационных и самоидентификационных) параметрах. Поэтому социологическое исследование политической элиты требует совмещения структурно-функционального и аксиологического подходов. Потенцируя идеи, содержащиеся в данных концепциях, можно сформулировать определенные основы для методологического конструкта социологического исследования политических элит. Основой такого конструкта может выступить комплементарность этих методологий.

¹² См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990.

По мнению автора, ценностные и идентификационные параметры социальной субъектности политической элиты можно выявить на основе использования понимающей методологии и аксиологического подхода – через рассмотрение целевого и ценностного измерений смыслообразования социального действия. В этом отношении современная ситуация в России, подчеркивает автор, требует от политической элиты идентификации с ценностями развития и соответствующую этому ориентацию на цели развития. Таким образом, в настоящем исследовании автор придерживается принципа комплементарности и предпринимает попытку объединения структурно-функционального подхода к анализу политических элит с «понижающей» методологией и аксиологическим подходом, то есть рассматривает политические элиты и как носителей определенных вытекающих из институциональной специфики общества функций, и как акторов, ориентированных на определенные смыслы и ценности. По мнению автора, в индустриальном и постиндустриальном обществах, то есть обществах, интенсивно и динамично развивающихся и ориентированных на цели модернизационного развития, осознающих социальную ценность развития, политические элиты институционально и функционально включены в деятельность по разработке соответствующей стратегии и ориентированы на развитие как наиболее социально значимую ценность, идентифицируя себя с нею. Особенно же это касается развивающихся и включенных в процесс догоняющей модернизации обществ, где именно элиты в силу неготовности и инертности населения первыми осознают необходимость изменений и берут на себя функции по стратегическому управлению этим процессом. Так обстояло дело и в России, когда она вступала на путь радикальных преобразований.

В параграфе 1.2. «Политическая элита России как субъект социального действия: базовые характеристики» ставится задача исследования современной российской политической элиты как социального субъекта – ее базовых характеристик и функциониро-

вания в обществе. Пользуясь структурно-функциональным подходом, можно идентифицировать политико-управленческую элиту по выполняемым ею в обществе функциям. Рассуждая о функциональной специфике российской политической элиты, О.В. Гаман-Голутвина¹³ подчеркивает, что в России реализовалась олигархическая модель функционирования элит, свойственная феодальному обществу, а не современному Западу. Однако безусловное влияние на содержание задач и функций политико-управленческой элиты, подчеркивает автор, оказывает переживаемый обществом исторический период. По мнению Т.И. Заславской¹⁴, в период трансформаций основными функциями элиты являются выработка, легитимизация и реализация общей стратегии реформирования общества. Автор солидарен с А.В. Малько¹⁵, выделяющим три основные функции российской политической элиты в настоящее время, – стратегическую, организаторскую и интегративную. Однако автор подчеркивает, что функциональные характеристики политической элиты могут быть дополнены характеристиками, очерчивающими социальную субъектность элиты сквозь призму совпадения/несовпадения ценностей и смыслов, лежащих в основе ее мотиваций, с общезначимыми социетальными смыслами, связанными с интересами общества. В этом смысле для модернизирующихся обществ деятельность политико-управленческой элиты целесообразно оценивать с точки зрения ее функционального и ценностно-мотивационного участия в модернизации. По мнению автора, современная российская политическая элита представляет собой сейчас дисфункциональный элемент сложившейся институциональной системы. В современном российском обществе наблюдается сращивание политико-управленческой и экономической элит, сложив-

¹³ Гаман-Голутвина О.В. Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С.162–163.

¹⁴ Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М., 2004. С.288.

¹⁵ Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы: Учебное пособие. М., 2000. С.191.

шея в период активных системных преобразований и сопряженной с ними деинституционализации прежних нормативных социальных институтов. Это сращение по происхождению и по содержанию представляет собой системную институциональную дисфункцию политической элиты, предопределяющую дисфункциональность и низкую эффективность всех системообразующих институтов.

В настоящее время, заключает автор, российская политическая элита позиционирует себя как дистанцированную и отчужденную от большей части общества узкую социальную группу, являющуюся практически закрытой корпорацией, критерием отнесения к которой остается наличие собственности и власти, а также сопутствующих статусных привилегий.

Решив в предыдущей главе методологические проблемы, связанные с социологической операционализацией политической элиты, автор переходит к содержательному рассмотрению темы. Задачей главы 2 **«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАК АКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕКРУТИНГ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ»** является исследование современной российской политической элиты в социальном пространстве модернизирующегося российского общества.

Параграф 2.1. «Специфика рекрутинга и восходящей мобильности политической элиты в современной России в условиях модернизации» посвящен рассмотрению истоков генезиса политической элиты России и особенности ее рекрутинга в настоящее время. Одной из важнейших проблем, связанных с функционированием политической элиты, является проблема элитогенеза, рекрутирования и ротации элит.

Определяющим фактором эффективности политической элиты является характер элитаобразования и критерии рекрутинга. Автор отмечает, что в процессе трансформации должно происходить принципиальное изменение методов пополнения элиты, ее соци-

ально-группового состава, ценностей и установок. Однако институциональная трансформация 90-х годов проходила, в отличие от аналогичных процессов в других посткоммунистических обществах, без радикальной смены политико-управленческой элиты. Партийно-советская номенклатура, уже на тот период значительно отчужденная от массового слоя, имела возможность не только поступившись идеологическими ценностями сохранить прежние высокие статусные позиции, но и повысить их еще более, а кроме того, конвертировать их в финансовые бонусы, пользуясь статусом и возможностями высоких государственных чиновников как своего рода монополией на бюрократические разрешительные правомочия. Выход экс-номенклатуры на поле иллегальных обменных взаимодействий, подчеркивает автор, стал предпосылкой для образования уже намечавшейся в советский период неформальной солидарности власть имущих. В условиях неразвитого гражданского общества и социальной индифферентности масс эта неформальная солидарность превратилась в неиссякаемый источник дисфункциональности официальных институтов и сформировала иллегальные механизмы приватизации и закрепления элитных статусов и связанных с ними привилегий. Приватные групповые интересы федеральной и региональных политико-управленческих элит, аффилированных между собой и с некоторыми бизнес-структурами, направлены в первую очередь на поддержание собственных привилегий и, следовательно, на сохранение сложившегося общественного статус-кво. Поэтому для элит принципиальным является ограничивать рекрутинг и поддерживать его закрытый для общества характер, что приводит ко все большей дистанцированности элит от массовых слоев. Социокультурная модернизация по либеральной модели пробуксовывает не столько в силу традиционализма массового слоя, сколько из-за того, что она приведет к открытию вновь каналов элитообразования и изменит взаимные диспозиции элиты и масс в социальном пространстве, тем самым ликвидировав результаты неформальной приватизации привилегий. В этой ситуации у элиты есть

выбор: либо ориентировать свои действия на смыслы и цели, связанные с частногрупповыми интересами, либо же – на интересы общества в целом, и действовать в соответствии с ними. В первом случае она вынуждена отказаться от выполнения стратегической функции и усиленных вложений в развитие; во втором ориентация на развитие является необходимой.

Таким образом, делается вывод, что элитные статусные позиции не являются доступными посредством каналов восходящей мобильности и фактически превратились в своего рода собственность постоянного узкого круга лиц, в силу чего частные интересы обладателей этих позиций объективно перестают совпадать с интересами общества как целого. Если общество именно сейчас особенно нуждается в развитии всех своих сфер и, прежде всего, человеческого потенциала, от которого зависит будущее, то политико-управленческие элиты заинтересованы главным образом в сохранении общественного статус-кво, возможно, даже ценой отказа от реального социального развития.

В параграфе 2.2. «Политическая элита и гражданское общество в России: параметры взаимодействия в контексте реализации модернизационного проекта» рассматриваются взаимоотношения политической элиты и формирующегося гражданского общества в процессе модернизации. В нормативной ситуации правящая элита является и осознает себя частью общества, подотчетна и подконтрольна ему через те или иные институциональные механизмы. При этом, как представляется автору, чем слабее развито гражданское общество, тем больше функций, компенсирующих эту слабость, ложится на элиту. Но в любом случае в обществах индустриального и постиндустриального типа элита является ключевым актором, определяющим стратегию общественного развития. Тем более, это так в отношении модернизирующихся обществ, для которых ценности развития имеют особенное значение. Здесь элита выступает и инициатором, и стратегом, и идеологом. Однако от ее позиционирования по отношению к гражданскому обществу зави-

сит эффективность ее участия в процессах модернизации. Развитые институты гражданского общества создают и поддерживают механизмы общественного контроля над политической элитой.

Однако в современной России гражданское общество только формируется, а политическая элита в силу исторических обстоятельств не обладает в должной мере доверием населения¹⁶. В этой ситуации проект формирования гражданского общества может и не реализоваться вовсе в России, поскольку на фоне демодернизационной деятельности политической элиты снижается уровень социальной активности россиян, их гражданского участия и заинтересованности в общественных делах, о чем свидетельствуют результаты крупномасштабного социологического исследования Института социологии РАН «О чем мечтают россияне?», согласно которым всего 11% из числа опрошенных россиян в рейтинге трех основных своих мечтаний указали желание оказаться полезным обществу и внести свой вклад в развитие России¹⁷.

По мнению автора, в современной России отношения элиты с гражданским обществом отражают различия в объективных интересах обоих. Гражданское общество по определению не тождественно простой массе населения. Гражданское общество, которое все еще находится в становлении, делает таковым осознанность и гражданская ответственность его членов. В этом смысле гражданское общество в России, насколько оно есть, субъективно и объективно заинтересовано в модернизации и росте своих позиций, в восстановлении утраченного контроля над элитой. Вне этой заинтересованности оно возвращается в состояние аморфной массы. Однако в качестве вывода, замечает автор, на сегодняшний день политическая элита не проявляет реальной заинтересованности в модернизации, в процессе которой ей было бы сложнее сохранять закрытость корпорации власти и статусные привилегии. Более того,

¹⁶ Проблема «элиты» в современной России / Л. Гудков, Б. Дубин, Ю. Левада. М., 2007. С. 8.

¹⁷ О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2012. С. 16.

ценности развития вообще находятся за пределами ее ориентаций. Отсюда вытекает, пользуясь выражением О. Гаман-Голутвиной, негативный консенсус элиты с массами относительно ценностей развития. Этот консенсус связывает элиту с массами настолько и поскольку, настолько и поскольку массы еще не суть гражданское общество.

В параграфе 2.3. «Стратегическая субъектность российской политической элиты как ключевого актора модернизации» исследуется состоятельность российской элиты как стратега и организатора модернизационных процессов. В настоящее время объективно наиболее значимой для российского общества и его элиты проблемой остается продолжение модернизации экономики, социальных институтов и социокультурной среды. Современная действительность такова, что уже не допускает маятникообразных колебаний между попытками модернизации и традиционализацией. От эффективности и бесповоротности модернизации зависят и сохранение экономического суверенитета, и благосостояние населения, и имидж страны в восприятии международного сообщества. Однако очередная модернизационная попытка – реформы 90-х – 2000-х годов – тоже, как и все предыдущие, оказалась малоэффективной. Трансформация формальных институтов, на которую возлагали основные надежды реформаторы, констатирует автор, почти не принесла ожидаемого улучшения качества жизни основной массы населения, более того, создала многочисленные трудности и тяготы, потребовав от большинства людей заново адаптироваться к изменившимся условиям.

Как показали результаты Всероссийского социологического исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян», двадцатилетние преобразования не привели к значимым результатам и, более того, в стране, по мнению опрошенных россиян, наблюдается

духовная деградация в результате тех духовных и культурных потерь, которые страна понесла за эти годы¹⁸.

Массовая усталость и разочарование сказались в изменении отношения к самой реформаторской инициативе: население, напуганное «шоковой терапией», метнулось в своих ценностях и оценках в сторону традиционализма, что засвидетельствовали эмпирические исследования. Но эти же исследования дали основание и повод заговорить о «социокультурной уникальности» россиян, их непреодолимом традиционализме и принципиальной немодернизирруемости как решающем факторе малоэффективности российской модернизации.

Автору представляется, что хотя эти взгляды, разделяемые рядом видных отечественных экспертов, не лишены оснований – низкоресурсность и социальная малоинициативность населения остается серьезной проблемой для всего общества, – все же этот фактор не является определяющей причиной малоэффективности модернизации. Не меньшее, а, возможно, и большее значение имеет позиция и характер практик политической элиты, во многом определяющие пробуксовку институциональных новаций.

Известно, что российская модернизация является догоняющей, реактивной и рецидивирующей. Осуществляясь рывками и являясь, по сути, ответом на приходящие извне вызовы, российская модернизация исторически не имела иных источников внутри локального социокультурного контекста, кроме стратегической инициативы элит, заинтересованных в сохранении и укреплении национального суверенитета. Поэтому важнейшим отличием российской модели модернизации была также ее мобилизационность: элиты предлагали массам тот или иной проект будущего, ради реализации которого население должно было прилагать максимальные усилия и нести значительные и разнообразные издержки. Участие в модернизационных проектах было для масс принудительным и без-

¹⁸ См.: Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2011.

альтернативным, кроме того, оно требовало больших жертв и усилий. Но прилагая все эти усилия, массы оставались социально и экономически депримируемыми, не имея возможности воспроизводить свои истощающиеся ресурсы.

Что касается элиты, ее стратегическая деятельность в условиях неразвитости гражданских институтов носила компенсаторный и ограниченный характер. Будучи, как подчеркивает автор, единственным инициатором модернизационных изменений, элита всегда ограничивала их технико-технологической и экономической сферой, не доводя этот процесс до полномасштабных, либерализирующих социальную жизнь преобразований. В то же время и для элиты, иницирующей модернизацию, издержки и риски этого процесса были велики, а бонусы и привилегии определялись служебным по отношению к абстрактному идолу государственности, хотя и высоким, социальным статусом.

Процесс модернизации предполагает социальные изменения и инновации, в которых объективно заинтересовано общество как целое. Но эти преобразования требуют наличия ключевого актора, обладающего потенциалом проинновационного стратегического мышления и действия. Таким актором, особенно в условиях России с ее постепенно развивающимися гражданскими институтами, должна быть политическая элита, обладающая, казалось бы, для этого ресурсами и возможностями. Однако в современном российском обществе, как подчеркивает автор, политическая элита является не реальным, а презентационным субъектом модернизации. Политическая элита в России генетически является продолжением старой советско-партийной номенклатуры. В социальном контексте, сложившемся после реформ, элита стала еще более закрытой и отделенной от народа не только возросшими и приватизированными статусными привилегиями, но и несопоставимым уровнем потребления, а также почти полной бесконтрольностью. Она превратилась в эксклюзивную корпорацию, охраняющую свои границы от остального общества.

В настоящее время мобилизационная модель модернизации применительно к российскому обществу, видимо, себя исчерпала. После вступления в очередной модернизационный виток население убедилось в том, что быстрых позитивных результатов от него ожидать не приходится, а адаптация к реалиям модернизирующегося общества требует больших усилий. С другой стороны, элита тоже оказалась неготовой к вложению новых усилий в развитие и фактически, как видно по характеру ее практик, перестала идентифицировать себя с ценностями и целями развития.

Таким образом, заключает автор, современная политико-управленческая элита России объективно и субъективно не в состоянии выполнять функцию субъекта модернизационной стратегии. В объективной части это связано с закрытым корпоративным рекрутингом элиты и ее генетической связью с советской партийной номенклатурой. Инновационный потенциал немногочисленных социальных групп, из которых на протяжении долгого времени рекрутируется российская политическая элита, исторически исчерпан, как и мобилизационная, авторитарная («имперская») модель, традиционная для российской рецидивирующей модернизации. Субъективно российская политико-управленческая элита не может идентифицировать себя с ценностями развития в силу исторической усталости и переориентации на потребительские ценности. Цели модернизации лежат вне групповых интересов элиты, которые связаны с сохранением статус-кво, а не с изменениями.

В главе 3 **«ДЕМОДЕРНИЗИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ»** автор ставит перед собой задачу выявить те характеристики практик современной российской политической элиты, которые непосредственно препятствуют эффективной модернизации.

Параграф 3.1. «Иллегальные и теневые компоненты повседневных практик управления политических элит в России» посвящен анализу демодернизирующего влияния иллегализации по-

литико-управленческой деятельности элитных групп. Системообразующей тенденцией процесса социальной модернизации, как подчеркивает автор, является рост гражданского и политического участия населения, а, следовательно, прозрачности и гласности кратических практик всех уровней. Этому призваны способствовать демократические политические институты, конфигурирующие внутреннее пространство общественной жизни и государственного управления. Однако, как показала практика последних десятилетий, постперестроечная политическая элита, заняв формальные позиции ключевого актора заявленных преобразований, в своей повседневной деятельности оказалась неготовой к переориентации на новые принципы. Ликвидация параллельными структурами государственной власти структур партийного контроля привела не к становлению новой демократической государственности, а, напротив, к созданию, по словам И. Клямкина и Л. Тимофеева¹⁹, своего рода теневого «парагосударства», находящегося в симбиотическом единстве с официальными органами власти. В чем-то аналогичное былым партийным структурам, оно как бы негласно дублирует государственную власть в части принятия основных политических решений. С другой стороны, изнутри это парагосударство напоминает скорее систему феодально-вассальных отношений, основанных на личной преданности и строгой иерархии. Естественно, что такая внутренняя структура реализации кратических практик не может способствовать социальной модернизации, а, напротив, максимально препятствует ей.

Политическая элита в современном российском обществе, можно сказать, стала практически несменяемой. Растет ее отдаление от «большого общества», незнание реальных проблем, с которыми сталкиваются рядовые акторы. Многочисленные, в том числе неформальные привилегии элиты, подчеркивает автор, фактически

¹⁹ См.: Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000.

приватизированы ею вместе с соответствующим социальным статусом, и ее основные групповые интересы заключаются именно в том, чтобы сохранить за собой эти статусные позиции и привилегии даже вопреки принятым институциональным нормам.

Отсюда вытекает обращение политической элиты и чиновников всех уровней к иллегальным практикам, направленным на личное обогащение, легализацию полученной собственности и укрепление неформальных солидарных связей, возникающих по оси «власть – собственность». Автор солидаризируется с В. Лапкиным, еще в конце 1990-х годов зафиксировавшим неофициальный, теневой уровень политической системы России – «политическое Зазеркалье», на котором и происходит фактическое согласование существующих интересов основных субъектов политики, а также происходит принятие основных общественно значимых решений в формате закрытого (теневого) характера, что выступает основным источником дефицита доверия к власти²⁰.

Автор подчеркивает, что иллегальные компоненты деятельности политической элиты сохраняются в силу наличия в обществе условий для этого. Среди этих условий он называет неподконтрольность элиты обществу, отсутствие эффективных правовых механизмов такого контроля; низкий уровень жизни и низкоресурсность населения; низкую правовую культуру и неразвитое правосознание чиновничества; неэффективность деятельности правоохранительных структур. Иллегальные компоненты повседневных практик политико-управленческой элиты, по мнению автора, являются значимым демодернизирующим фактором, возвращающим россиян в неправовое пространство.

Коррупционное поведение политической элиты и ущерб, причиняемый им процессу модернизации, анализируются автором в *параграфе 3.2. «Демодернизирующий потенциал коррупции политических элит в России»*. Практически все специалисты в области социально-политических наук, подчеркивает автор, сходятся

²⁰ См.: Лапкин В.В. В поисках России политической // Кентавр. 1999. № 8. С. 174.

во мнении, что коррупция является наиболее значимым фактором неэффективности российской модернизации. Так, по данным, приведенным Л. Гудковым, Б. Дубиным и Ю. Левадой²¹, коррумпированность правящей элиты указывается наибольшим числом опрошенных в качестве причины проблем с осуществлением модернизации в политике и экономике.

Автор показывает, что характер и направленность кратических и повседневных практик современных российских политических элит содержат элементы, объективно противоречащие декларируемым идеям о вовлеченности правящих кругов в решение стоящей перед обществом задачи модернизации.

Прежде всего, речь идет о политической коррупции. Питательной средой для нее является все большая закрытость элит, превращение их в дистанцированный от общества замкнутый слой, внутри которого происходит рекрутинг управленческих кадров высшего звена. Генетическая связь современной правящей элиты с советско-партийной номенклатурой и неэффективность институциональных механизмов ротации при всех различиях способствует сохранению специфически-номенклатурных стереотипов поведения, авторитарных тенденций кратических практик, многочисленных формальных и неформальных привилегий.

С другой стороны, подчеркивает автор, современная российская элита отличается от более сдержанной в потреблении советской номенклатуры демонстративным неограниченным потреблением, что порождает стремление к непрерывному незаконному обогащению вопреки интересам общества. Иллегальные практики и политическая коррупция являются, прежде всего, показателями несовпадения интересов элиты и общества. Исследователи подчеркивают, что именно в трансформационный период коррупция в высших эшелонах государственной власти наиболее опасна для России, поскольку именно элитно-властная коррупция влечет мас-

²¹ Проблема «элиты» в современной России / Л. Гудков, Б. Дубин, Ю. Левада. М., 2007. С. 89.

штабное расхищение государственных средств, зарубежных кредитов и самым негативным образом сказывается на имидже государственной власти, на ее образе в глазах российского населения, а также и всего мирового сообщества²². Опасность коррупционных практик правящей элиты заключается также в их влиянии на остальное общество, так как они способствуют утверждению криминальных установок в массовом сознании.

Борьба с коррупцией, подчеркивает автор, является необходимым условием самосохранения российского общества и представляет собой вопрос национальной безопасности. В сложившихся обстоятельствах решение проблемы коррупции требует глубокого преобразования практически всех сфер общественно-политической жизни. Для этого необходимо реальное развитие гласности, устранение дистанции между властью и обществом и укрепление контроля общества над деятельностью бюрократии. Противовесом распространению коррупции стало бы и развитие легальной конкуренции в сфере бизнеса, повышение общественного влияния негосударственных институтов.

Параграф 3.3. «Консерватизм российской политической элиты как демодернизирующий фактор» посвящен исследованию влияния идеолого-мировоззренческого консерватизма российской политической элиты на модернизационные процессы. Среди исследователей нет единого мнения о том, какой из факторов неэффективности российской модернизации является определяющим. По мнению российских исследователей, вялотекущий характер перемен объясняется преимущественно традиционализмом массового слоя населения, сохраняющего ориентацию на прежние социальные ценности. Эта точка зрения находит подтверждение в многочисленных эмпирических исследованиях, показавших массовое сохранение в самовосприятии россиян советской гражданской иден-

²² См.: Мишин Г. Необходим закон о борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти // Уголовное право. 2002. № 7.

тичности²³. Есть и другая точка зрения, согласно которой неэффективность модернизации рассматривается как следствие ограничивающих ее возможности управленческих практик политических элит²⁴.

О контрмодернизационном де-факто потенциале элит говорит их неспособность в настоящее время стать стратегическим субъектом модернизации, выработать идеологию, способную интегрировать массы и ориентирующую на развитие. Напротив, идеологический поиск элиты консервативен по направленности, что свидетельствует о ее стремлении, прежде всего, заботиться о поддержании статус-кво вопреки тому факту, что российские кратические традиции – за редкими и непродолжительными по времени исключениями – характеризовались авторитаризмом и индифферентным отношением к человеческой индивидуальности. Об этом свидетельствуют не только неизменное присутствие в российском обществе неформальной солидарности власть имущих, но и объем иллегальных практик теневой политики, расцвет политической и управленческой коррупции, большая заинтересованность элиты в силовиках, нежели в ученых и мыслителях, сохраняющийся несмотря на все декларативные меры дефицит вложений в массовое здравоохранение и образование. Сохранение статус-кво, включающего неформальные элитные привилегии, заботит политико-управленческие элиты гораздо больше, чем реальная результативность модернизации. Отсюда активные поиски валидной консервативной идеологии и использование потенциала традиционализации общества, которым располагает РПЦ.

Таким образом, заключает автор, несмотря на то, что политическая элита российского общества послужила инициатором вступления в очередной виток модернизации и в настоящее время пози-

²³ См., напр.: *Данилова Е.Н.* Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России* / Ред.: В.С. Магун, Л.М. Дробижева, И.М. Кузнецов. М.: ИС РАН, 2006.

²⁴ *Шляпентох В.* Элиты, а не массы, – главный хранитель консерватизма и главный мотор социальных изменений в России. М.: ИС РАН, 2010.

ционирует себя как ключевой агент модернизационных преобразований, а очевидная низкая эффективность реформ и дисфункциональность новой институциональной структуры зачастую рассматриваются как эффекты отторжения демократических институтов традиционалистски ориентированным массовым слоем и продуцируемой им социокультурной средой, основной реальной причиной неэффективности российской модернизации является низкая дееспособность политической элиты, утратившей качества, ассоциируемые с субъектом социальных изменений. Современная российская политическая элита как федерального, так и регионального уровней не ориентирована на ценности и цели развития в силу различных факторов: корпоративной закрытости, практической необновляемости, дистанцированности от массовых слоев населения, отчужденности от интересов общества и переориентацией на приватные групповые интересы, консерватизма группового мышления, исторической исчерпанности традиционной для России имперской модели модернизации и неспособности к стратегической деятельности по формированию новой модели модернизации.

Таким образом, высокая коррумпированность, сочетающаяся с низкой профессиональной компетентностью, доминирование корпоративно-теневых внутриэлитных взаимодействий позволяют определить социальные практики политических элит России как федерального, так и регионального уровней как контрмодернизационные.

В главе 4 «СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ», рассмотрев в предыдущих главах общие вопросы, связанные с функционированием и дисфункциональностью современной российской политической элиты, автор переходит к исследованию региональных элит. В условиях многорегиональной и полиэтничной страны, каковой является Россия, роль региональных элит в определении приоритетов социально-экономического и политического развития

очень велика. Более того, в исторической перспективе значение регионов в рамках федерации будет возрастать по мере развития региональной гражданской инициативы и институтов самоуправления и, следовательно, будут возрастать требования к составу, качеству, компетентности региональных политико-управленческих элит.

Однако на сегодняшний день в российском обществе наблюдается огромная социально-экономическая и социокультурная диспропорция между столичными мегаполисами и провинцией, центром и регионами, ряд которых признан депрессивными. Основная проблема развития и модернизации связана именно с регионами, и соразмерно этому возрастает значение для российского общества в целом состояние региональных элит. В настоящей главе автор обращается к исследованию происходящих с ними процессов в контексте решения стоящих перед регионами задач по модернизации.

Параграф 4.1. «Элитогенез и консолидация региональных и федеральных политических элит в условиях модернизации российского общества» посвящен исследованию объективного содержания процессов элитогенеза и консолидации российских региональных элит и их влиянию на ход модернизации. В условиях территориально огромной полиэтничной страны очень значительной представляется социальная и политическая роль региональных политико-управленческих элит, положение которых в социальном пространстве и структуре власти таково, что они как бы опосредуют взаимоотношения между федеральной элитой и широкими массами в регионах. А.Е. Чирикова отмечает: «Роль региональных элит в стабилизации политических процессов обусловлена двумя их основными функциями. Первая – являясь проводником целей общенациональной элиты на региональном уровне, она фактически реализует стратегические решения Центра применительно к условиям конкретной территории. Вторая, не менее важная функция, – ре-

гиональные элиты с той или другой степенью успешности репрезентируют интересы населения регионов элите Центра»²⁵.

Автор подчеркивает, что консервативную и традиционализирующую окраску имеет и обладающий бесспорным позитивным значением для общества процесс консолидации элит, поскольку сама консолидация вовсе не ограничивает на уровне регионов феодальные тенденции в практиках этнократических элит. Региональные элиты по-прежнему содержат мощный этнократический элемент, хотя, конечно, сейчас они гораздо глубже интегрированы в федеральную государственность, чем в 90-е годы. Однако их интеграция базируется скорее на неформальных патрон-клиентельных связях и вассалитете почти феодального типа, что тоже не способствует развитию модернизации в регионах. Практика деятельности региональных элит показывает, что они вполне вписаны в федеральную вертикаль власти. С другой же стороны, укрепление вертикали отнюдь не подменяет собой восстановления социальной горизонтальной, которая, собственно, и составляет подлинную базу демократии. В этом смысле региональные элиты, вероятно, должны были бы более эффективно совмещать свою управленческую деятельность в рамках соответствующего этажа вертикали с принятием мер по укреплению горизонтальных связей и развитию конструктивной гражданской инициативы. Однако, подчеркивает автор, политико-управленческая деятельность региональных элит направлена преимущественно на защиту частногрупповых интересов, в которые входит и выгодное вложение своих статусных позиций и неформального влияния в регионе в корпоративную общегосударственную солидарность элитного слоя с вытекающими отсюда бонусами и привилегиями. Региональные элиты Северного Кавказа, в частности, в настоящее время строят свою политическую стратегию на практике чисто обменных отношений с федеральным центром, когда лояльность обменивается на масштабные финансовые вливания и существенные ограничения фактического вмешательства

²⁵ Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 49.

ва Центра во внутреннюю политику. Влияние неформальных этнократических элит осуществляется и через сохраняющиеся традиционные трайбальные связи, и посредством заполнения формальных властных и силовых структур представителями титульных этнических групп. На фоне сохранения сильных традиционных родственных и соседских связей это обстоятельство способствовало формированию экономически и политически могущественных этнических кланов, простирающих свое влияние за пределы региона. Естественно, что такая модель консолидации способствует не модернизационным изменениям, а феодализации социальных отношений со всеми вытекающими последствиями – главенством критерия личной преданности в процессе рекрутинга элит, отсутствием независимого правосудия, массовым нарушением прав рядовых граждан; дальнейшему росту коррупции всех уровней управления; распространению практики расхищения чиновниками поступающих из федерального центра государственных средств. Отсюда же и феодализация семейно-бытовых и гендерных отношений, тенденции реставрации религиозных норм правосудия, авторитаризм и диктат силы в управлении, отсутствие приемлемого в современном обществе уровня гласности.

Автор заключает, что региональные политико-управленческие элиты в целом вовлечены в те же процессы, что и элита федерального масштаба. Утрата субъектности и вытекающее из нее равнодушие ко всем ценностям, кроме privately-корпоративных, усугубляются и деятельностью федеральной элиты, вовлекшей элиты регионов в процесс деполитизации и переключения на хозяйственно-управленческую деятельность. Доверие населения в настоящее время выше к федеральной элите, чем региональным и местным. Этот факт, с одной стороны, свидетельствует об ослаблении сепаратизма, но с другой – о росте патернализма, как у населения регионов, так и у самих региональных элит. Это, в свою очередь, является симптомом неэффективности модернизации, возвращающим в атмосферу имперскости и традиционализма.

В параграфе 4.2. «Эффективность социальных практик региональных политических элит и их влияние на процесс модернизации в России» рассматриваются проблемы, связанные с дефицитом качества региональных элит и обуславливающие низкую эффективность модернизации в регионах. Модернизация общества, предполагающая, в первую очередь, трансформацию его институтов, отмечает автор, неизбежно вторгается в давно устоявшийся социальный порядок. Однако на региональном уровне зачастую велико сохраняющееся влияние этнотрадиционной составляющей, которая является консервирующей силой. Тем более что традиционные элементы зачастую способны сдерживать аномию и функционировать с достаточной эффективностью, тогда как новым институтам нужно время, чтобы прижиться. Для традиционных неформальных институтов и новых формальных в таких случаях характерно взаимовлияние.

В частности, на Северном Кавказе функционирование формальных демократических институтов власти в настоящее время тесно переплелось с традиционными регулятивными практиками. Примеры Чечни, Ингушетии, Дагестана наглядно свидетельствуют об этом. Однако, отмечает автор, осуществление модернизации на фоне сохраняющихся неформальных традиционных нормативных установок создает большую социальную неопределенность, в том числе и для региональных политико-управленческих элит. Действительно, за счет общей традиционализации и неформальной регулятивной деятельности этнократических элит достигается значительный стабилизирующий эффект. Однако ценой такой стабилизации часто становится возникновение устойчивого симбиоза неформальных традиционных управленческих практик и клиентелизма.

Клиентелизм, судя по результатам эмпирических исследований, является основной причиной общего дефицита качества региональных политико-управленческих элит. Подавляющее боль-

шинство представителей регионального чиновничества сделали управленческую карьеру благодаря использованию клановых рычагов влияния. При этом федеральная власть с готовностью идет на снижение качества региональных элит, рассматривая его как цену лояльности и сохранения статус-кво.

Большинство представителей нынешних региональных элит, как подчеркивает автор, являются выходцами из советской партийной номенклатуры и, судя по результатам исследований, сами признают этот факт. Недостаточная ротация региональных элит препятствует полноценному функционированию институциональных механизмов рекрутинга. Результатом становятся низкая профессиональная подготовленность и общеобразовательный уровень, дефицит правовой и управленческой культуры, криминализация и коррупция чиновников-управленцев. Низкое качество региональных элит также препятствует развитию гражданского самоуправления.

Качество и эффективность региональных политико-управленческих элит являются важнейшим фактором, определяющим адекватность всей государственной системы. В настоящее время проблема качества региональных элит, как показывает автор, является одной из ключевых. Это подтверждают результаты эмпирических социологических исследований. Так, в ходе исследования «Административно-политические элиты региона»²⁶ респондентам задавался вопрос: «В суждениях ряда экспертов высказывается мысль о том, что высшая элита РФ и региональные элиты не вполне соответствуют (или совсем не соответствуют) качественным критериям и требованиям, предъявляемым к элитному слою. Разделяете ли Вы эту точку зрения?». Ответы распределились самым красно-

²⁶ Результаты выборочного социологического опроса государственных служащих «Административно-политические элиты региона». Опрошен 931 государственный служащий в 20 регионах РФ. Опрос проведен в январе–мае 2005 г. Цит. по: *Понедельков А.В.* Политико-административные элиты России в середине 90-х гг. XX в. и 10 лет спустя (теоретический и прикладной аспекты анализа). Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2005. С. 334.

речивым образом: подавляющее большинство согласившихся дать определенный ответ (52,44%) признали принципиальное качественное несоответствие современных российских элит.

Как уже говорилось выше, одной из главных социально-ролевых функций элиты в нормативе является стратегическая функция. Выявляя по оценкам населения динамику ментальности региональных политических элит, исследователи отмечают возрастание их ориентации на федеральный центр, что означает утрату политико-стратегической самостоятельности. Это естественно: в современных условиях, когда окончательно сложилась прочная вертикаль власти, благополучие региональных элит целиком определяется отношениями с федеральным центром. Судя по данным исследований, региональные элиты в ожиданиях от федеральных властей возвращаются к патернализму, в том числе и в вопросах, которые могли бы решать самостоятельно, что отражает их растущую зависимость от федеральной элиты как формальных политических субъектов.

Таким образом, заключает автор, основными факторами, снижающими качество и эффективность региональных элит, являются:

- кланово-корпоративный характер их рекрутинга и деятельности в условиях наложения формальных институциональных практик на традиционные этнократические, что способствует воспроизводству феодальных по сути клиентелистско-вассальных отношений, где все определяет личная преданность, а не управленческий профессионализм. Характер практик и качество региональных элит говорят о сохранении главенства принципов клановости и корпоративизма, чему вовсе не мешает процесс консолидации и укрепления иерархической вертикали;

- построение отношений между федеральным Центром и региональными политико-управленческими элитами по модели прямого обмена между уровнями: отказ на практике от значительного объема политических полномочий и амбиций региональных элит, окупаемый финансовой поддержкой из Центра, которую распреде-

ляют между собой региональные политические кланы, является предпосылкой снижения требований Центра к качествам и управленческим умениям элит в регионах.

Возвращение региональных элит Северного Кавказа к феодальной по сути практике управления является серьезнейшим фактором риска демодернизации не только для региона, но и в целом для российского общества. И, разумеется, такая практика оказывает сильное негативное влияние на состояние регионального гражданского общества.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования, делаются результирующие выводы и намечаются дальнейшие перспективы изучения диссертационной проблематики.

**Основное содержание диссертации отражено
в следующих публикациях автора:**

Монографии

1. *Имгрунт И.И.* Политическая элита как актор модернизации российского общества: субъектные характеристики и эффективность социальных практик. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. 9 п. л.

Публикации в изданиях, включенных в реестр ВАК РФ

2. *Имгрунт И.И.* Теоретико-методологические проблемы изучения элит в современной социологии // Научная мысль Кавказа. 2006. Доп. вып. 1. 0,5 п. л.

3. *Имгрунт И.И., Гуциша Н.А.* Российские региональные элиты: особенности элитогенеза // Научная мысль Кавказа. 2006. Доп. вып. 1. 0,8 п. л. / 0,4 п. л.

4. *Имгрунт И.И.* Понятие элиты в концепциях и подходах современной элитологии // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 7. Спецвыпуск. 0,5 п. л.

5. *Имгрунт И.И., Мальшев В.С., Гуськов И.А.* Методологические основания социологического анализа значимости социальных лифтов в жизни молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 7. Спецвыпуск. 0,8 п. л. / 0,4 п. л.

6. *Имгрунт И.И.* Элита в социальной структуре общества: институциональные характеристики // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 11. Спецвыпуск. 0,5 п. л.

7. *Имгрунт И.И.* Современная российская политическая элита федерального и регионального уровня: теоретико-методологические аспекты изучения // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 11. Спецвыпуск. 0,5 п. л.

8. *Имгрунт И.И.* Региональные политические элиты перед вызовами модернизации (на примере Северо-Кавказского региона) // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 7. Спецвыпуск. 0,5 п. л.

9. *Имгрунт И.И.* Консерватизм элиты как фактор модернизации российского общества // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. № 4. 0,5 п. л.

10. *Имгрунт И.И.* Девиантные компоненты повседневных практик управленческой элиты // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. Спецвыпуск. 0,5 п. л.

11. *Имгрунт И.И.* Региональные политико-управленческие элиты в институциональной среде модернизирующегося общества // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. Спецвыпуск. 0,5 п. л.

12. *Имгрунт И.И.* Политические элиты России в исследованиях отечественных политологов и социологов // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. № 4. 0,5 п. л.

13. *Имгрунт И.И.* Проблема рекрутинга региональной элиты в институциональной среде модернизирующегося общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 6. 0,5 п. л.

14. *Имгрунт И.И.* Роль политико-управленческих элит в модернизации российского общества: теоретические аспекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. 0,5 п. л.

15. *Имгрунт И.И.* Элитогенез и консолидация региональных и федеральных элит в трансформирующемся российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 7. 0,5 п. л.

Другие издания

16. *Имгрунт И.И.* Концептуализация понятия элиты в социогуманитарном дискурсе. Ростов н/Д: Антей, 2007. 1 п. л.

17. *Имгрунт И.И.* Социологические методологии исследования элит. Ростов н/Д: Антей, 2008. 1 п. л.
18. *Имгрунт И.И.* Базовые характеристики политической элиты России как субъекта социального действия. Ростов н/Д: Антей, 2010. 1 п. л.
19. *Имгрунт И.И.* Параметры взаимодействия политической элиты и гражданского общества. Ростов н/Д: МарТ, 2011. 1 п. л.
20. *Имгрунт И.И.* Стратегическая роль политической элиты как ключевого агента модернизации. Ростов н/Д: МарТ, 2012. 1 п. л.
21. *Имгрунт И.И.* Потенциал и практики политических элит в социальном пространстве российского общества // Актуальные проблемы науки Юга России и Армении: поиски и решения. Научное издание. Ереван: Амарс, 2013. 0,7 п. л.
22. *Имгрунт И.И.* Роль региональных элит в модернизирующемся обществе // Гуманитарий Юга России. 2013. № 4. 0,5 п. л.

Сдано в набор 26.11.13. Подписано в печать 26.11.13.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Times»
Печать цифровая. Усл. печ. л. 2,2

Тираж 100 экз.

Типография ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, офис 201
тел. 8-918-570-30-30